

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Беляева Оксана Михайловна

**Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете:
академическое сообщество позднейимперского периода**

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

2 4 НОЯ 2011

Санкт-Петербург
2011

Работа выполнена на факультете истории Европейского университета в Санкт-Петербурге

Научный руководитель:

доктор исторических наук
Виктор Моисеевич Панеях

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук
Ольга Борисовна Кох

кандидат исторических наук
Евгений Анатольевич Ростовцев

Ведущая организация:

Институт российской истории РАН

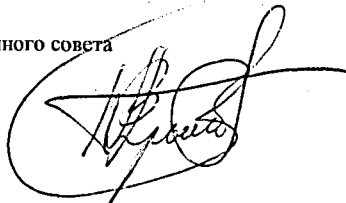
Защита состоится 27 декабря 2011 г. в 14.30 на заседании Диссертационного совета Д.002.200.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Санкт-Петербургском институте истории РАН по адресу: 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Санкт-Петербургского института истории РАН

Автореферат разослан 9 ноября 2011 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета

Кандидат исторических наук

П.В. Крылов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. Развитие современной исторической науки не обходится без учета существующего наследия предшествующих поколений ученых. К сожалению, в советский период многие историки дореволюционного времени, признанные советской исторической наукой буржуазными, были надолго забыты, и до сих пор мало что известно об их жизни и творчестве. Такая судьба постигла и историка, профессора Эрвина Давидовича Гримма (1870-1940). В Советской России за причастность к Белому движению Э.Д. Гримму пришлось жестоко поплатиться – он пережил арест, следствие, заключение в психиатрической лечебнице и вскоре после этого скончался. Эти события не могли не сыграть своей печальной роли в том, что имя Э.Д. Гримма как деятеля дореволюционной и отчасти советской эпохи было также надолго предано забвению. Между тем, изучение истории Петербургского университета, особенно в позднимперский период, когда Э.Д. Гримм был на вершине своей административной карьеры, невозможно без обращения к личности и деятельности этого ученого, который являлся не только членом академического сообщества университета, но и долгое время сам его возглавлял.

Исследование академического сообщества Петербургского университета именно в таком ключе, т.е. через призму биографии Э.Д. Гримма, еще не проводилось. Попытка соединить изучение биографии этого ученого и истории функционирования академического сообщества Петербургского университета конца XIX – первой четверти XX вв. предпринята впервые. С одной стороны, выбор фигуры Э.Д. Гримма определяется тем, что его судьба представляет существенный интерес, так как он был последним ректором дореволюционного периода, причем, трижды избирался на этот пост. В его ректорство академическое сообщество переживало наиболее драматические события истории начала XX века – Первую мировую войну, революцию 1917 года, Гражданскую войну. С другой стороны, карьерный путь Э.Д. Гримма являлся в некотором смысле показательным для тех ученых, кому доводилось одновременно совмещать научную и административную сферы деятельности. В то же время Э.Д. Гримм прошел все основные стадии как научного, так и административного роста, поэтому на его примере хорошо видно, из каких составляющих складывалась потенциальная карьера ученого в академическом сообществе. Наконец, изучение именно персоны Э.Д. Гримма, являвшегося представителем известной семьи Гримм, обусловлено необходимостью восполнить до

сих пор существующий в историографии пробел, наличие которого все еще не позволяет составить ясное представление о нем как об ученом, педагоге, политическом деятеле, администраторе, что повышает значимость данного исследования.

Историческое изучение академического сообщества можно объяснить необходимостью более глубокого понимания этого сообщества, особенностей его функционирования и деятельности в нем отдельного человека. Конечно, условия, в которых приходилось существовать академическому сообществу в России, за последние сто лет несколько раз менялись. Однако нельзя не признать, что между академическим сообществом позднимперского периода и современным существует определенная преемственность в том, что касается его организации, потребностей, ценностных установок, взаимоотношений с властями. Таким образом, представляется, что роль академического сообщества в современной общественно-политической жизни не может быть понята иначе, кроме как в свете его исторического развития.

Объектом исследования является академическое сообщество Петербургского университета в конце XIX – первой четверти XX веков. **Предмет исследования** – научная и административная карьера, а также общественно-политическая деятельность Э.Д. Гримма.

Хронология исследования. Ограничение исследования концом XIX и первой четвертью XX веков определяется временем пребывания Э.Д. Гримма в Петербургском университете 1887-1918 гг., с трехлетним перерывом (1896-1899), на который пришлась его служба в Казанском университете. С другой стороны, отставка Э.Д. Гримма в 1918 году совпадает с началом кардинальной ломки прежних устоев академического сообщества Петербургского университета, оно постепенно трансформируется под давлением внешних условий, и вместе с тем уходит целая эпоха в жизни университета.

Цель исследования заключается в том, чтобы путем реконструкции биографии Э.Д. Гримма определить механизмы функционирования академического сообщества Петербургского университета в конце XIX – первой четверти XX веков. Основные задачи исследования видятся в том, чтобы реконструировать этапы научной и административной карьеры Э.Д. Гримма в Петербургском университете, проанализировать механизм воспроизводства кадров в академическом сообществе, определить влияние политики на жизнь академического сообщества и его представителей, рассмотреть способы участия ученых в политической жизни,

проанализировать межличностные отношения в академическом сообществе, рассмотреть возникавшие внутри него конфликтные ситуации на почве научных, политических, личностных разногласий; проанализировать взаимоотношения академического сообщества с властями.

Историография. До сих пор не имеется специальных исследований о научном творчестве и личности Э.Д. Гримма. Историографию по теме исследования условно можно разделить на несколько блоков: литература, в которой, так или иначе, рассматриваются отдельные аспекты научной деятельности Э.Д. Гримма; литература по истории Петербургского университета и высшего образования позднимперского периода и начала советского времени; отчасти привлекались работы об интеллигенции.

Основные вехи биографии Э.Д. Гримма, касающиеся его служебной деятельности, воспроизводятся в немногочисленных дореволюционных и современных справках¹. В настоящее время Э.Д. Гримм включен в словарь востоковедов². В нем, как и в биографических примечаниях некоторых современных изданий, в которых он упоминается, обнаруживаются неточности фактического характера. Исследователи также часто путают двух братьев Гримм – Эрвина Давидовича и его старшего брата Давида Давидовича, так как оба в разное время, а иногда и одновременно, занимали высокие административные посты в Петербургском университете.

В литературе советского времени имя Э.Д. Гримма встречается в работах, посвященных развитию исторической науки в России³. Оценочные суждения об «Исследованиях» Э.Д. Гримма⁴ содержатся в историографических разделах монографий советских ученых, обращавшихся к проблемам развития римской императорской власти⁵.

¹ *Загоскин П.П.* Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета (1804-1904). Казань, 1904. Ч. I. С. 75-76; Преподаватели, учившиеся и служившие в императорском Казанском университете (1805-1903 гг.). Материалы к истории университета. Казань, 1908. Ч. I. Вып. 3. С. 1397, 1482.

² *Васильков Я.В., Сорокина М.Ю.* Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917 – 1991). СПб., 2003. С. 127.

³ *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1931. Ч. II. С. 22, 212-213; *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 32.

⁴ *Гримм Э.Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. Римская императорская власть от Августа до Нерона. СПб., 1900. Т. I; *он же.* Исследования по истории развития римской императорской власти. Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия. СПб., 1901. Т. II.

⁵ *Машкин Н.А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949; *Кузицин В.И.* Русская историография античности // Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузицина. М., 1980; *Егоров А.Б.* Рим на грани эпох: проблема рождения и формирования принципата. Л., 1985.

Для современных историографов истории Древнего мира характерно стремление переосмыслить вклад Э.Д. Гримма в развитие русской науки об античности. По мысли Э.Д. Фролова, Э.Д. Гримм «дебютировал в науке как специалист по римской истории, и дебют этот был, как мы теперь понимаем, превосходным»⁶. Монография В.А. Летяева посвящена изучению наследия дореволюционных антиковедов, незаслуженно забытых и недооцененных в советской историографии⁷. В.А. Летяев подробно останавливается на рассмотрении обеих монографий Э.Д. Гримма, выявляя то новое, что он привнес в изучение проблемы принципата. Э.Д. Гримма как медиевиста представил в своих работах Ш.С. Хамматов⁸, затрагивая вопросы его научно-педагогической деятельности в Казанском университете.

В советский период приоритетными направлениями исследований в рамках истории Петербургского университета рубежа XIX-XX веков были либо изучение истории студенческого революционного движения, либо изучение научных школ и их представителей. Вопросы о восстановлении должности проректора, связанные с проблемой урегулирования конфликтов со студентами и властью, о проректорской деятельности в целом, о путях легализации профессорами студенческого представительства не ставились⁹. Советские исследователи, занимавшиеся изучением истории высшей школы, обращались к частным проблемам, связанным с функционированием российских университетов, таким как университетское законодательство¹⁰, политика правительства в отношении высшей школы¹¹. В данных работах академическое сообщество рассматривалось только как объект политики имперских властей.

⁶ Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб., 1999. С. 333.

⁷ Летяев В.А. Восприятие римского наследия Российской наукой XIX – начала XX вв. Волгоград, 2002. С. 169-171.

⁸ Хамматов Ш.С. Казанский период Э.Д. Гримма (1896-1899) // Античность: история и историки. Казань, 1997. С. 7-12; он же. Изучение и преподавание медиевистики в учебных заведениях Казани: XIX - начало XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2003.

⁹ Только сравнительно недавно появилась небольшая статья В.С. Брачева, в которой он рассмотрел вопрос о студенческом представительстве с точки зрения противостояния «левых» и «правых» профессоров в 1908-1909 гг. См.: Брачев В.С. «Дело» академика И.А. Соболевского: из истории самоуправления Санкт-Петербургского университета // Тетра Нипана. 2008. № 4. С. 46-70.

¹⁰ Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976; Савельева В.Г. Положение Совета министров 11 июня 1907 года // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Т. 6. С. 281-294; Иванов А.Е. Университеты в России в 1905 году // Исторические записки. М., 1971. Т. 88. С. 114-149.

¹¹ Лейкина-Свирская В.Р. Из истории борьбы Петербургского университета с Министерством Кассо // Вестник Ленинградского университета. Л., 1947. № 4. С. 151-158; Яковлев В.П. Политика царского правительства в университетском вопросе (1905-1910) // Вестник ЛГУ. 1969. № 2. Вып. 1. С. 157-164; Иванов А.Е. Университетская политика самодержавия в конце XIX-начале XX вв. // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. М., 1979. С. 148-169.

Зарубежные историки, занимавшиеся проблемами высшей школы в Российской империи, в отличие от отечественных, рассматривали историю российских университетов во взаимосвязи трех основных акторов – студенчества, ученых и власти, что позволило им уйти от односторонних выводов¹².

Важную проблему, касающуюся жизни академического сообщества, еще в 1947 году поставила В.Р. Лейкина-Свирская – конфликт министра народного просвещения Л.А. Кассо с петербургскими профессорами. В статье она упоминает профессора Э.Д. Гримма, но как минимум дважды ошибается с выводами, путая Эрвина Давидовича с его старшим братом Давидом Давидовичем. Такая путаница привела к искажению роли Э.Д. Гримма в конфликте с министром Л.А. Кассо. До сих пор никто из исследователей не попытался поставить под сомнение ее выводы.

В целом, для исследований советского времени, связанных с историей Петербургского университета дореволюционного периода, характерна определенная тематическая заданность, строгое следование идеологическим догмам, поэтому опираться на них достаточно затруднительно. Как следствие, история Петербургского университета долгое время оставалась освещена лишь фрагментарно. В опубликованных юбилейных сборниках история Петербургского университета была изложена в самых общих чертах¹³.

В постсоветский период свои научные изыскания продолжил один из ведущих отечественных историков в области изучения высшей школы А.Е. Иванов¹⁴. Анализируя социально-экономические и общественно-политические характеристики профессуры и студенчества, он рассматривает учебные заведения в основном как объект правительственной политики. В целом его исследование создает общее представление о том, как функционировала высшая школа на рубеже веков. В этой же монографии одну главу А.Е. Иванов посвятил важной проблеме, связанной с воспроизводством кадров в академическом сообществе, а впоследствии написал об этом отдельную книгу¹⁵. Широта поставленной проблемы и рассмотрение ее с позиции установленных законодательством порядков часто не позволяли автору уловить,

---

¹² *Kassow S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, Los Angeles, London, 1989; Wartenweiler D. Civil Society and Academic Debate in Russia 1905-1914. Oxford, 1999.*

¹³ Ленинградский университет. 1819–1944. М., 1945; История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969. Л., 1969; 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. / Сост. Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин. Под ред. Л.А. Вербицкой. Летопись 1724 – 1999. СПб., 1999.

¹⁴ *Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв. М., 1991.*

¹⁵ *Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII – 1917 г. М., 1994.*

соблюдались или нет процедуры на пути к получению ученой степени на практике, хотя, возможно, это и не входило в его задачу.

Исследования Е.А. Ростовцева непосредственно связаны с историей Петербургского университета дореволюционного периода. Его попытка преодолеть изъяны в наследии советских ученых представляется вполне удачной. Он буквально по крупицам воссоздал историю университета в указанный период, представив ее во взаимодействии трех основных действующих лиц – правительства, ученых и студентов. Е.А. Ростовцев поднимает такие важные проблемы, как положение этнического немца, ректора Петроградского университета Э.Д. Гримма в годы Первой мировой войны¹⁶; роль и позиция Э.Д. Гримма в период противостояния Министерства народного просвещения (далее – МНП) и университетской корпорации в 1911 – 1912 годах; рассматривает проблему университетской «автономии», выделяя и анализируя «формальную» и «фактическую» ее стороны, выстраивает кривую взаимоотношений профессоров и власти¹⁷. Е.А. Ростовцев активно использует такой значимый источник по истории исторической науки как дневник Н.Н. Платоновой. Также он справедливо обращает внимание на то, что важнейший источник для изучения истории Петербургского университета – журналы (протоколы) заседаний Совета Петербургского университета – мало используется исследователями. Некоторые идеи Е.А. Ростовцева не обоснованы в должной мере. Так, он полагает, что университет представлял собой «башню из слоновой кости»¹⁸, но на практике этот идеал оказался недостижим. Уточнения требует тезис Е.А. Ростовцева о «сплоченности» коллектива профессоров и приват-доцентов как «специфической черте» Петербургского университета¹⁹.

---

¹⁶ *Ростовцев Е.А.* Университетская корпорация столицы Российской империи в годы Первой мировой войны // Отечественная история: статьи и материалы. СПб., 2007. С. 72-117; *он же.* Испытание патриотизмом: профессорская коллегия Петроградского университета в годы I Мировой войны // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2009. Вып. 29. С. 308-324.

¹⁷ *Ростовцев Е.А.* "Борьба за автономию": корпорация столичного университета и власть в 1905-1914 гг. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2. P. 75-121; *он же.* «Университетский вопрос» и Государственная дума (1906-1911 гг.) // Таврические чтения – 2008: актуальные проблемы истории парламентаризма в России. Всероссийская науч.-практ. конф. СПб., Таврический дворец 16 декабря 2008 г. Музей истории парламентаризма в России при МПА СНГ. Сб науч. статей. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2009. С. 98-133; *он же.* «Автономия» и «революция»: к истории борьбы за автономию высшей школы в начале XX в. // История Санкт-Петербургского политехнического университета в контексте истории отечественной и мировой науки и образования: материалы международной науч.-теор. конф. СПб., 2009. С. 320-341; *он же.* Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // Година. Образование в России: вчера, сегодня, завтра. Спецвыпуск. 2010, С. 47-52.

¹⁸ *Ростовцев Е.А.* "Борьба за автономию": корпорация столичного университета и власть в 1905-1914 гг. ...

P. 121.

¹⁹ Ibid.

Поиски новых форматов изучения истории университетов привели к появлению обширного международного проекта, в рамках которого в 2009 г. был опубликован сборник «Университет и город в России (начало XX века)»²⁰. Руководитель данного проекта немецкая исследовательница Туде Маурер известна в академических кругах благодаря своей фундаментальной монографии «Преподаватели высшей школы в царской России. К изучению российской социальной истории и истории образования»²¹. Т. Маурер точно уловила необходимость сместить акценты при изучении истории российских университетов, заметив, что, в первую очередь, нужно изучать людей и текущие условия их деятельности, которые не столь прямо соотносились с законодательными нормами. Среди множества частных наблюдений автора справедливы выводы о том, что русские университеты, в смысле равноправия всех преподавателей, демократическими институтами не являлись, а также, что борьба за демократическое преобразование университета как автономной корпорации сводилась к защите традиционных привилегий.

В сборнике 2009 г. собраны статьи по истории университетов Российской империи, рассмотренных в перспективе взаимодействия с городом, городским самоуправлением. Особый интерес представляют работы Е.А. Ростовцева²² и А.Н. Дмитриева²³. Статья Е.А. Ростовцева является в некотором смысле итогом его предыдущих изысканий, и рассмотрение проблем, связанных с историей Петербургского университета, в новом ракурсе, позволяет автору подтвердить ранее сделанные им предположения. Одно из таких интересных и ключевых предположений Е.А. Ростовцева состоит в том, что «посредством политических инструментов» профессора пытались «обеспечить свои академические и корпоративные интересы»²⁴. А.Н. Дмитриев в предварительных замечаниях к своей статье отметил, что контакты МНП и университета виделись историкам университетской жизни «исключительно конфронтационными». Между тем, справедливо заметил он, зачастую чиновники МНП часто были членами той же корпорации, что и профессора. По его мнению,

---

²⁰ Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009.

²¹ *Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 1998.*

²² *Ростовцев Е.А. Университет столичного города // Университет и город в России (начало XX в.). М., 2009. С. 205-370.*

²³ *Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь Российской высшей школы // Там же. С. 105-204.*

²⁴ *Ростовцев Е.А. Университет столичного города ... С. 319.*

современный исследователь должен учитывать статусное и социальное единство этих «лагерей»²⁵.

Так как верхняя хронологическая граница диссертации датируется первой четвертью XX века, в центр нашего внимания попадают сюжеты, связанные с историей функционирования академического сообщества Петроградского университета в 1917 и 1918 годах. В советской историографии, в работах, имеющих отношение к высшей школе этого времени, основной исследовательский интерес был направлен на изучение того нового, что привнесли большевики в сферу образования, о чем свидетельствует тематика большинства исследований, посвященных либо изучению складывания и деятельности органов управления высшей школой, либо изучению формирования советской интеллигенции. Общим для этих работ является то, что ученые дореволюционной эпохи, как и все, так или иначе, связанное с их деятельностью и работой МНП, подвергалось критике. Начинания же советской власти в области высшего образования, напротив, превозносились.

Монография О.Н. Знаменского охватывает промежуточный период между Февралем и Октябрем 1917 года и посвящена изучению интеллигенции в целом²⁶. Обширность предмета исследования не позволила автору подробно остановиться на положении ученых после падения самодержавия, но это не помешало ему затронуть некоторые важные сюжеты, связанные с функционированием университетов (проблемы финансирования, контакты университетской администрации с властью, участие ученых в комиссиях по высшему образованию). Концентрация внимания исследователя на конкретном периоде без отсылок к более раннему времени, не всегда позволяла автору делать точные выводы о действиях и стремлениях профессоров Петроградского университета. Оценочные суждения автора были обусловлены необходимостью считаться с советской идеологией.

Монография А.П. Купайгородской²⁷ посвящена высшей школе Ленинграда в первые годы советской власти. Основное внимание в работе уделено мероприятиям большевиков в отношении образовательных учреждений, проблема восприятия учеными этих мер почти не затронута. Отсутствие хронологически выстроенного хода первоначальных шагов Государственной комиссии по просвещению в изложении А.П. Купайгородской создает искаженное представление о намерениях советской

---

²⁵ Там же.

²⁶ *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль-октябрь 1917 г.). Л., 1988.

²⁷ *Купайгородская А.П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917-1925). Л., 1984.

власти в отношении высшей школы. Авторская трактовка начинаний большевиков находилась в зависимости от существовавшей идеологии, не допускавшей их критики.

Жизнь академического сообщества в короткий период существования Временного правительства до сих пор не становилась предметом специального изучения. Есть отдельные работы, в которых анализируются проблемы смены власти во Временном правительстве и соответственно перемены в руководстве МНП, частично изучена министерская деятельность А.А. Мануйлова²⁸.

Авторы современных исследований, связанных с высшим образованием и руководством высшей школой в первые годы советской власти²⁹, отмечают серьезные просчеты большевиков в деле реформирования высшего образования, открыто признают, что демократизация была началом разрушения дореволюционной высшей школы. Однако ракурс в рассмотрении проблем, связанных с реформированием системы высшего образования, остался прежним, т.е. с позиции самой власти. Вопрос о том, как ученые в первые годы советской власти боролись за сохранение автономных начал, и в чем их стремления находили свое конкретное выражение, требует изучения. Из современных авторов можно вновь упомянуть Е.А. Ростовцева, который, хотя и ограничивает рамки исследования научного сообщества Петербургского университета дореволюционным периодом, все же пунктирно намечает те проблемы, с которыми столкнулось академическое сообщество этого университета после Февральской и Октябрьской революций³⁰.

Проблемы высшего образования при советской власти активно изучались и в зарубежной историографии. В фокусе внимания исследователей оказывались такие сюжеты, как формирование и деятельность Наркомпроса, контакты ученых с властью³¹. Правда, рубеж осени 1917 – зимы 1918 гг. изучен меньше по сравнению с последующим периодом.

²⁸ Измолик В.С. Временное правительство. Люди и судьбы // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 163-169; Куликов С.В. Временное правительство: кадры и реальность перестановки // Из глубины времен. СПб., 1996. № 7. С. 27-42; Назарьева О.Е. А.А. Мануйлов – министр Временного правительства // Гуманитарные и социально-экономические науки в современном мире: Сб. научных статей. М., 2008.

²⁹ Александров Д.А. Советизация высшего образования и становление советской научно-исследовательской системы // За железным занавесом: мифы и реальность советской науки. / Ред. Э.И. Колчинский и М. Хайнеманн. СПб., 2002. С. 152-165; Лебедева М.В. Народный комиссариат просвещения РСФСР в ноябре 1917-феврале 1921 гг. (опыт управления). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.

³⁰ Ростовцев Е.А. Университет столичного города... С. 315-317.

³¹ Fitzpatrick Sh. The Commissariat of Enlightenment. Cambridge, 1970; McClelland J.C. Bolsheviks, Professors and the Reform of Higher Education in Soviet Russia, 1917–1921. New Jersey, 1970; *Idem*. Bolshevik Approaches to Higher Education, 1917-1921 // Slavic Review. Quarterly of Soviet and East European Studies. 1971. Vol. 30. № 4. P. 818-831; Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа в Советской России // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов. Материалы Международного научного colloквиума. СПб., 2003. С. 173-184.

При рассмотрении взаимоотношений в академическом сообществе Петербургского университета конца XIX – начала XX веков учитывались также результаты, сделанные исследователями, изучавшими конфликтные ситуации в академической среде³². В диссертации понимание конфликта двоякое: с одной стороны, реконструкция конфликтов, остававшихся незамеченными другими исследователями, важна сама по себе, с другой стороны, с помощью изучения конфликтов появляется возможность раскрыть новые стороны жизни представителей академического сообщества.

Методология. Диссертация написана в ключе «социальной персональной истории». В рамках этого направления реконструкция биографии индивида рассматривается одновременно и как главная цель исследования, и как одна из необходимых предпосылок познания включавшего его исторического социума³³. Изучение академического сообщества со всеми его особенностями путем детальной реконструкции научной и административной карьеры, а также общественно-политической деятельности Э.Д. Гримма позволит в каком-то смысле лучше понять его личность, познакомиться с его окружением, проанализировать его поступки, взгляды, поведение. Э.Д. Гримм также будет выступать в роли «проводника» в мир академического сообщества, что позволит расширить горизонт видения научного сообщества: глубже понять, как оно функционировало; как внутри него налаживались, поддерживались и прерывались связи; как строились взаимоотношения; как складывались конфликтные ситуации и разрешались конфликты; как охранялись, соблюдались, обходились и нарушались традиции, иными словами, увидеть жизнь академического сообщества изнутри.

В исследовании использовался также историко-сравнительный метод, позволявший сопоставлять продвижение Э.Д. Гримма по карьерной лестнице с

---

³² См.: Антощенко А.В. История одной профессорской отставки // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4. М., 2002. С. 234-272; *он же*. Университетский устав 1863 г. и конфликты в профессорской среде // http://www.omgpi.ru/science/conflicts-2008/download/antoshchenko_av.doc; Вишленкова Е.А. Публичная и частная жизнь университетского человека Казани XIX в. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2004. № 7. С. 172-201; Вишленкова Е.А., Мальшева В.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005; Свешников А.В. «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX вв. // Мир историка. Историкографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 231-261; Свешников А.В., Антощенко А.В. Конфликт без скандала в университетской среде // Мир Клио. Сборник статей в честь Лорины Петровны Релиной. Т. 2. М., 2007. С. 115-134; Шперхазе К. История науки как история конфликтов // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 9-16; Мост Глен У. Век столкновений: как немецкие антиковеды XIX столетия упорядочивали свои дебаты // Там же. С. 17-27.

³³ Репина Л.П. Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8. Специальный выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография. М., 2002. С. 7.

аналогичным опытом его коллег. Для анализа политических взглядов Э.Д. Гримма использовался метод дискурс-анализа, в ходе проведения которого детальному разбору подвергались научные и публицистические тексты ученого.

Источники. Для написания диссертации использовались различные источники, многие из которых не опубликованы. Они хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.), Петербургском филиале архива РАН (ПФА РАН), архиве Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН), архиве Института русской литературы (ИРЛИ РАН), отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). В целом, в исследовании использованы документы двадцати двух фондов, хранящихся в восьми архивах. Привлечены также документы двух личных архивов – академика Б.В. Ананьича и Н.Б. Ветошниковой.

Личный фонд Э.Д. Гримма так и не был сформирован. Возможно, это объясняется обстоятельствами его смерти, последовавшей вслед за арестом, следствием и пребыванием в психиатрической лечебнице. Вероятно, клеймо «репрессированного» сыграло свою роль при решении не создавать личный фонд ученого. Источниками, послужившими своеобразным исходным пунктом изучения личности Э.Д. Гримма, являются его студенческое и профессорское дела. Первое включает различные документы, касающиеся учебы Э.Д. Гримма в университете, второе содержит делопроизводственную документацию и переписку, относящиеся к его служебной деятельности в Петербургском университете с 1903 по 1918 годы.

Некоторые сведения об Э.Д. Гримме, когда он был оставлен для подготовки к профессорскому званию, а затем поочередно являлся соискателем магистерской и докторской степени, можно почерпнуть из материалов протоколов историко-филологического факультета за 1893-1903 годы: уточнить сроки обсуждения диссертаций, состав и замечания оппонентов. С замечаниями оппонентов Э.Д. Гримма можно ознакомиться и по опубликованным рецензиям. Деятельность приват-доцента Э.Д. Гримма в Казанском университете (1896-1899 гг.) реконструируется по опубликованным протоколам заседаний Совета Казанского университета и историко-филологического факультета Казанского университета, а также по отчетам о состоянии Казанского университета. Рассуждения Э.Д. Гримма об итогах его первой заграничной командировки можно найти в отчете о ней.

Диссертации Э.Д. Гримма³⁴ дают возможность оценить его взгляды на историографические проблемы, уровень профессионализма. Изучение других научных и научно-популярных работ Э.Д. Гримма³⁵ позволяет говорить не только о сфере его научных интересов, но и указать на политические предпочтения автора. Анализ имеющихся литографированных лекций Э.Д. Гримма, хранящихся в русском фонде РНБ, также позволяет оценить его политические предпочтения. О политических убеждениях Э.Д. Гримма можно судить на основе его публикаций в прессе, некоторая информация о его политической деятельности содержится в опубликованных протоколах конституционно-демократической партии.

Функционирование академического сообщества Петербургского университета изучалось с привлечением нормативных актов, регулирующих деятельность Петербургского университета, и делопроизводственной документации. Основы функционирования академического сообщества Петербургского университета рассматриваемого периода регламентировались законодательством конца XIX – начала XX столетий. Наиболее значимыми для данного исследования нормативными документами явились: университетский устав 1884 года, правительственные указы, иные законодательные акты, различные министерские распоряжения. Привлекались также составлявшиеся в разное время проекты по преобразованию высшей школы дореволюционного периода. Начатые большевиками реформы по демократизации высшей школы нашли свое отражение в протоколах заседаний Государственной комиссии по просвещению.

Наиболее информативным источником, отражающим особенности университетской жизни и деятельность университетской администрации, являются протоколы заседаний Совета Петербургского (Петроградского) университета³⁶. Структура протоколов включает: список членов Совета от факультетов, стенограммы выступлений ректора и отдельных членов Совета, сведения о деятельности так называемой Советской комиссии (протоколы самой Советской комиссии не сохранились). Важную часть протоколов заседаний Совета составляют приложения, где помещена официальная документация. На основе протоколов заседаний Совета университета хорошо поддается изучению ректорский период Э.Д. Гримма.

³⁴ Гримм Э.Д. Исследования по истории развития римской императорской власти... Т. I; *он же*. Исследования по истории развития римской императорской власти... Т. II.

³⁵ Гримм Э.Д. Мирабо: Очерк из истории Великой Французской революции. М., 1908; *он же*. Революция 1848 г. во Франции. СПб., 1908. Ч. 1-2; *он же*. Политические воззрения Ипполита Тэна. СПб., 1908.

³⁶ Журналы [протоколы] заседаний Совета Императорского Петербургского [Петроградского] университета за 1899 – 1914 гг. СПб. [Пг.], 1900-1916.

Использование протоколов для всестороннего анализа проректорской деятельности Э.Д. Гримма оказывается недостаточным, так как не дает полноценного представления о содержании его работы, об отношениях со студентами, конфликтах с коллегами и властями. В целом материалы протоколов Совета отражают формальную сторону деятельности университетской администрации, исследовательскую ценность представляют содержащиеся в них прения и мнения членов Совета. Протоколы перед публикацией предоставлялись на рассмотрение попечителя учебного округа и подвергались цензуре, поэтому необходимо сопоставление протоколов³⁷ с их опубликованным вариантом с целью выявления имеющихся расхождений. Протоколы заседаний Совета Петроградского университета за 1917-1918 гг. не опубликованы³⁸. Их материалы важны для выяснения развязки конфликта внутри академического сообщества, ставшего следствием кадровой политики министра народного просвещения Л.А. Кассо, для реконструкции контактов между учеными и властями в 1917-1918 годах.

Источники личного происхождения, такие как дневники, частная переписка, воспоминания ученых, студентов, чиновников, некрологи, записки, заметки, брошюры использовались для реконструкции и прояснения межличностных отношений в академическом сообществе, контактов ученых и власти, составления представления о традициях, бытовавших в академической среде.

Многое о взаимоотношениях и о положении профессоров академического сообщества Петербургского университета в ходе конфликта с МНП при Л.А. Кассо в 1911 – 1912 гг. проясняется из частной переписки ученых между собой. С точки зрения развязки конфликта в академическом сообществе в 1917 г. любопытно также письмо профессора А.С. Яценко министру народного просвещения А.А. Мануйлову. Существенный интерес представляют письма о назначении Э.Д. Гримма экстраординарным профессором на кафедру всеобщей истории, об инциденте с М.И. Ростовцевым накануне защиты докторской диссертации Э.Д. Гримма. Затрагивает этот инцидент и сам М.И. Ростовцев в переписке с С.А. Жебелевым, упоминает о конфликте с М.И. Ростовцевым и Э.Д. Гримм в письме редактору Журнала Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП) Э.Л. Радлову. Судить о развитии конфликта между двумя учеными можно также по рецензии

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14 (фонд Петербургского университета). Оп. 1. Т. 4. Д. 11359 (1908)-11367 (1916).

³⁸ ЦГА СПб. Ф. 7240 (фонд Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова). Оп. 1. Д. 1, 16.

М.И. Ростовцева и ответу на нее Э.Д. Гримма. Мнения о докторском диспуте Э.Д. Гримма нашли отражение в переписке между М.П. Крашенинниковым и В.К. Ернштедтом. В письмах О.В. Даниловой С.Ф. Платонову имеются любопытные размышления о специфике лекций Э.Д. Гримма. Интересные наблюдения о жизни академического сообщества в разное время встречаются в письмах А.Е. Преснякова супруге, которые значимы не только как источник фактической информации, но и с точки зрения содержащихся в них мыслей и переживаний автора.

Для изучения процесса воспроизводства кадров в академическом сообществе путем присуждения ученых степеней привлекались воспоминания С.А. Жебелева и И.А. Каблукова. Обсуждение проблемы присвоения ученых степеней встречается также в заметках и брошюрах ученых рассматриваемого периода. С точки зрения изучения конфликта академического сообщества с МНП при Л.А. Кассо любопытны воспоминания профессора М.А. Таубе. В воспоминаниях министра народного просвещения А.Н. Шварца можно обнаружить некоторые размышления о студенческих организациях, необходимых для понимания его отношения к студенческому вопросу. Воспоминания профессора М.П. Чубинского позволяют реконструировать деятельность Э.Д. Гримма в газете «Русская Воля». Некоторые сведения о работе Э.Д. Гримма в Отделе пропаганды в правительстве А.И. Деникина имеются в воспоминаниях его коллеги К.Н. Соколова.

Разные характеристики Э.Д. Гримма как преподавателя, диспутанта, ректора, политика можно встретить в воспоминаниях его бывших студентов – Н.П. Анциферова, А.И. Хоменговской, О.К. Недзвецкой, С.Н. Драницына, И.В. Егорова. Особенностью воспоминаний О.К. Недзвецкой и С.Н. Драницына является то, что авторы писали их, будучи больными людьми, по несколько раз возвращались к написанному, делали многочисленные правки на полях и в тексте, что следует учитывать при использовании этих документов. Несколько раз Э.Д. Гримма упоминает в мемуарах Н.И. Кареев, знавший его как способного студента и коллегу и считавший своим учеником. Для изучения отдельных сюжетов административной деятельности Э.Д. Гримма ценен дневник графа И.И. Толстого. Важным источником для изучения жизни петербургского академического сообщества является дневник Н.Н. Платоновой.

Пресса использовалась, чтобы уточнить некоторые сведения из жизни академического сообщества, проиллюстрировать ту или иную ситуацию. Привлекавшиеся газеты разной политической направленности – «Речь», «Русское

слово», «Новое время», «Земщина», «День» – позволяли посмотреть на события с разных углов зрения. Учитывая, что пресса чутко реагировала на всякого рода происшествия, и самые последние новости мгновенно попадали на страницы газет, важными для анализа общественных настроений времен проректорства и ректорства Э.Д. Гримма оказались слухи: Порой, однако, именно из материалов газет удавалось извлечь сведения, не отложившиеся в других источниках.

Отчеты о состоянии и деятельности Петербургского университета оказались незаменимы при изучении состояния академического сообщества в министерство Л.А. Кассо (1911-1914 гг.). В некоторых случаях для получения более подробной информации о том или ином ученом привлекались их личные дела.

Отрезок биографии Э.Д. Гримма в 1917-1918 годы труднее поддается изучению. Немногие косвенные свидетельства практически не дают возможности последовательно проследить за перипетиями его жизни в этот период. После смерти Э.Д. Гримма в доме его друзей, историка Б.А. Романова и его супруги Е.П. Романовой, были сохранены личные записи ученого. Среди них обнаружился уникальный документ, в котором Э.Д. Гримм на девяти страницах собственноручно изложил события своей жизни во время Гражданской войны и пребывания в эмиграции. Этот источник впервые вводится в научный оборот. Запись, сделанная Э.Д. Гриммом, не датирована и не окончена, не имеет заголовка, не указан и адресат. Но, очевидно, ее появление было обусловлено необходимостью «покаяния» перед органами Советской власти за участие в Белом движении. Этот источник позволяет восстановить фактическую сторону жизни Э.Д. Гримма в 1917-1923 гг., но, учитывая характер записки, не все, сказанное им в ней, может быть прочитано прямолинейно и однозначно истолковано.

Предлагаемая в послесловии биография Э.Д. Гримма в период эмиграции и по возвращении его в Советскую Россию изучалась на основе делопроизводственной документации архива ИИМК РАН, записок Э.Д. Гримма, хранящихся в личном архиве академика Б.В. Ананьича, частной переписки, а также его опубликованных работ в этот период.

Новизна. В диссертации впервые последовательно реконструируется научная, административная и общественно-политическая деятельность Э.Д. Гримма. Данное исследование является первой работой, в которой история академического сообщества Петербургского университета рассматривается сквозь призму биографии этого ученого.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы для составления курсов по истории России конца XIX – первой четверти XX вв., по истории Петербургского университета, по истории российского академического сообщества.

Апробация результатов исследования. Текст диссертации и ее главы обсуждались на заседаниях отделов Новой истории России и истории революций и общественного движения России Санкт-Петербургского института истории РАН в 2011 г., а также на диссертационных семинарах факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2007-2009 гг. По материалам диссертации были сделаны доклады на научных конференциях и опубликованы научные статьи.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения и послесловия, списка источников и литературы, приложения.

Во введении обосновывается актуальность изучаемой темы, определяются объект, предмет, хронологические рамки исследования, формулируются цель и задачи работы, рассматривается историография вопроса, обозначается круг источников, очерчиваются методологические основы.

Глава I, «Эрвин Давидович Гримм: путь к профессорскому званию», посвящена изучению начального этапа научной карьеры ученого. В главе в сравнительной перспективе прослеживается, как Э.Д. Гримм прокладывал свой путь к профессуре. Показано, насколько он руководствовался предписанными законом процедурами и следовал ли традициям академического сообщества, что позволяет выстроить собственную траекторию научного пути Гримма. Анализируются причины, побудившие Э.Д. Гримма заняться изучением античной истории, рассмотрены тексты его магистерской и докторской диссертаций. В главе показано, что развитие карьеры ученого зависело от многих факторов, в том числе от наличия вакансии. На примере Э.Д. Гримма видно, что конфликтные ситуации в академическом сообществе возникали и при отсутствии соперничества ученых за должность. На отношения внутри академического сообщества большое влияние оказывало то, в каких условиях тот или иной ученый занимал вакантное место. Оба раза назначению Э.Д. Гримма на должность предшествовали мрачные обстоятельства – смерть ученых, а также увольнение его коллег по университету. В восприятии сослуживцев Э.Д. Гримма, он

дважды воспользовался этими случаями, чтобы устроить собственную карьеру, и это осложняло его взаимоотношения с коллегами. В центре внимания – конфликт между вступившими в научный спор Э.Д. Гримом и одним из его оппонентов М.И. Ростовцевым, который начался с критической рецензии последнего на работу Гримма. На примере инцидента между Э.Д. Гриммом и М.И. Ростовцевым показано, что рецензирование являлось важным средством взаимного контроля членов академического сообщества. М.И. Ростовцев путем негативной научной рецензии стремился воспрепятствовать незаслуженному, по его мнению, продвижению своего коллеги. Конфликт между учеными разворачивался в нескольких плоскостях: на историко-филологическом факультете, где решался вопрос о допуске Э.Д. Гримма к диспуту, на самом диспуте, на страницах ЖМНП, в майском номере которого были размещены рецензия М.И. Ростовцева и ответ на нее Э.Д. Гримма. До диспута Э.Д. Гримма противоречия между ним и М.И. Ростовцевым пытались сгладить их коллеги по историко-филологическому факультету. Публикацию отзыва Ю.А. Кулаковского на обе монографии Э.Д. Гримма также можно рассматривать, как способ разрешить конфликт между Э.Д. Гриммом и М.И. Ростовцевым, так как в данном случае Кулаковский выступил в качестве своеобразного третейского судьи. Присуждение Э.Д. Гримму докторской степени не положило конец его конфликту с М.И. Ростовцевым, так как каждый ученый остался при своем мнении.

Глава II, «Политизация науки в российском академическом сообществе на рубеже XIX – XX веков» посвящена изучению проблемы «политизации», которая обострилась под воздействием революции 1905-1907 гг. в результате роста политической активности профессоров и студенчества. В главе на примере Э.Д. Гримма рассматриваются возможности участия ученого в политической жизни страны. Как многие профессора, Э.Д. Гримм публиковал в прессе статьи на политические темы, был членом Петербургского городского комитета кадетской партии, но затем покинул ее ряды, занявшись административной работой. Хотя Э.Д. Гримм не был столь активным участником политической жизни, как некоторые его коллеги, однако это отнюдь не мешало ему высказывать свои политические взгляды и предпочтения. Средством для этого ему, как ученому, служил текст. Э.Д. Гримм не оставался безучастным к происходящим вокруг событиям, на что указывают периодически появлявшиеся его публикации в газетах и журналах. Кроме того, вторая половина 1900-х годов до 1908 года включительно были для Э.Д. Гримма периодом творческого подъема, когда он, продолжая преподавать в разных учебных

заведениях, поочередно написал, а затем одновременно издал сразу три монографии, ставшие последними в ряду его научных публикаций дореволюционного периода. Анализ различных по содержанию и характеру работ Э.Д. Гримма рассматриваемого времени – статей в газетах, научных изданий, лекций, – показывает, что для выражения своих либеральных убеждений он использовал не только публицистический, но и научный текст. С ростом политической активности студентов лекции Э.Д. Гримма, в которых можно уловить политические взгляды автора, действительно могли восприниматься как политическая агитация. Впрочем, Э.Д. Гримм не был пропагандистом своих либеральных политических идей, но и строгим ревнителем чистой академической науки его тоже не назовешь, как показал анализ его научных работ. В работах 1908 года Э.Д. Гримм претендовал на роль эксперта в разрешении политических вопросов, считая себя вправе на многочисленных исторических примерах подтвердить справедливость своих взглядов и актуальность их в отношении Российской империи.

Глава III, «Проректорство Э.Д. Гримма: вопрос о студенческом представительстве» посвящена изучению проректорского опыта Э.Д. Гримма в 1908-1910 гг., его взаимоотношений с коллегами, студентами и властью в этот период. В главе анализируется программная речь Э.Д. Гримма перед выборами в проректоры, прослеживается ход реализации его проректорской программы в условиях перманентных студенческих сходов, зачастую приводивших к столкновениям университетской администрации с властями и недовольству профессоров присутствием полиции в стенах университета.

Э.Д. Гримм считал, что с помощью сохранения студенческого представительства можно «упорядочить» студенческое движение, в противном случае работа проректора была бы значительно затруднена. Одной из своих главных задач он видел сохранение студенческого представительства, по крайней мере, в той форме, которая, благодаря уступке Совета министров, могла легально существовать. Однако студенты стремились расширить право самоуправления, вступая тем самым на путь конфронтации с властями и университетской администрацией. Запросы властей по поводу резолюций и организаторов неразрешенных сходов игнорировались университетской администрацией. Покрывая студентов, администрация университета, по сути, потворствовала им. Это подрывало доверие власти к ректору и проректору, а студенты фактически свободно пользовались предоставляемым им правом организации собраний под предлогом разрешенных к обсуждению вопросов, все чаще

прибегая к устроению явочных сходок, которые сложно было проконтролировать. В таких условиях Э.Д. Гримму приходилось лавировать между студентами и властью, с одной стороны, и между профессорами и студентами, с другой. Однако, как ни старался Э.Д. Гримм на протяжении своего проректорства наладить диалог со студентами, постоянное нарушение ими дисциплины, в конце концов, не оставило ему такой возможности.

Опасения студенческих беспорядков вынуждали Э.Д. Гримма вставать на защиту интересов профессоров и прибегать к самым жестким мерам – вызывать полицию, чтобы восстановить порядок в университете, а такие меры предполагали неизбежность конфликтов в самом академическом сообществе. Невозможность предотвратить беспорядки среди студентов, в свою очередь, грозила администрации университета серьезными конфликтами с МНП. В итоге против Э.Д. Гримма оказались настроены консервативные профессора, радикально настроенные студенты, а также чиновники разных ведомств. Взяв на себя обязательства успокоить студенчество через институт студентов-посредников, Э.Д. Гримм не справился с этой задачей, так как оказался не в состоянии контролировать радикально настроенную учащуюся молодежь. Э.Д. Гримм ушел с должности досрочно, отчасти потому что не смог реализовать программу, отчасти из-за разногласий с коллегами и властями.

Глава IV, «Академическое сообщество в ректорство Э.Д. Гримма: конфликты в профессорской среде» посвящена рассмотрению конфликта в профессорской среде, ставшего следствием произвольных кадровых перестановок, произведенных министром народного просвещения Л.А. Кассо. В главе прослеживается, как развивался и разрешился конфликт, какие последствия имел для противостоящих сторон, анализируется роль ректора Э.Д. Гримма в конфликте. Показано, что конфликт внутри петербургской профессуры протекал в двух плоскостях: как конфликт «правой» и «левой» групп и как конфликт между столичной профессурой и профессорами по назначению, затянувшись на шесть лет. Политика Л.А. Кассо обострила существовавшие противоречия между группами профессоров. Если «правые», несмотря на неудовольствие произволом властей, считали недопустимым демонстративный уход из университета, то «левые» настаивали на повторении опыта московских коллег. Хотя сам ректор Э.Д. Гримм был выходцем из «левой» группы, стремясь сохранить единство академического сообщества и не допустить разгрома Петербургского университета, он был вынужден, действуя наперекор своим товарищам, фактически поддержать позицию «правых». Только уговоры ректора и

своевременно принятое им решение взять всю ответственность за конфликт с МНП на себя предотвратили массовые отставки профессоров. Несмотря на то, что среди столичных профессоров существовало разделение на «левых» и «правых», они выступали заодно против профессоров по назначению именно потому, что те воспринимались ими как ставленники министра Л.А. Кассо. Негативное отношение к профессорам-«назначенцам» со стороны столичной профессуры оказалось сильнее их собственных внутренних противоречий. Положение «изгоев», в котором оказались профессора-«назначенцы», вызвало с их стороны ответную негативную реакцию, что способствовало дальнейшему разворачиванию конфликта. Взаимное отчуждение между столичными профессорами и профессорами по назначению осложнялось противоречиями в политических взглядах, а также личными неприязненными отношениями.

В возникавших конфликтах столичные профессора защищали права своих коллег, свои традиции, свои интересы. Профессора по назначению, в свою очередь, пытались отстоять собственные права, касавшиеся их служебного положения. Противостояние шло с переменным успехом: в тех случаях, когда разрешение конфликта зависело от ректора, столичные профессора практически всегда одерживали верх. И если средствами достижения успеха для столичных профессоров были воля Совета университета, настойчивость ректора, то успех профессором-«назначенцев» зависел не только от решений министра Л.А. Кассо. Некоторые пускали в ход преимущества служебного положения и даже распускали сплетни о своих оппонентах. Усилению или ослаблению позиций тех и других способствовала также смена руководства в МНП. Но, даже имея своих людей в МНП, столичным профессорам, как показал опыт М.А. Таубе, не всегда приходилось в силу межличностных противоречий рассчитывать на помощь с их стороны. Появление профессоров-«назначенцев», образовавших единую группу, делало невозможным их инкорпорацию в академическое сообщество Петербургского университета. Поэтому конфликт мог разрешиться лишь с поражением одной из сторон, но это стало возможным только с кардинальным изменением политической конъюнктуры в результате Февральской революции.

В Главе V, «Эволюция политических взглядов Э.Д. Гримма в период Первой мировой войны» прослеживается, как происходила эволюция взглядов Э.Д. Гримма и в чем находила свое конкретное выражение. В главе показано, что в период Первой мировой войны складывались условия и создавались ситуации, вызванные

непосредственно войной или совпавшие с ней по времени, когда умеренность взглядов Э.Д. Гримма была особенно заметна, проявляясь в его поведении и поступках как ректора и общественно-политического деятеля, а также во взаимоотношениях с коллегами и представителями власти. Война обострила существовавшие в обществе противоречия и способствовала его дальнейшей поляризации в зависимости от отношения к действующему правительству. Эволюция взглядов Э.Д. Гримма, направленная на отказ от открытой конфронтации и поиски путей сотрудничества с властями, под катализирующим влиянием войны, в конечном счете, привела его в редакцию «Русской Воли».

Эволюция политических взглядов Э.Д. Гримма, начавшаяся в 1910-х годах, заключалась в постепенном отказе от открытой конфронтации с властями. Во многом благодаря умеренности своих взглядов он сумел сохранить за собой должность ректора, будучи вторично избранным на этот пост большинством профессорского Совета. В период Первой мировой войны ректор Э.Д. Гримм, как того требовали обстоятельства времени, старался поддерживать инициативы, исходившие от властей, по мере возможности выполнял соответствующие распоряжения. В то же время необходимость в оппозиционности отпала вовсе, когда МНП возглавил граф П.Н. Игнатъев, с которым Э.Д. Гримм наладил хорошие отношения. Умеренность ректора не только сглаживала отношения с властями, но и позволила ему «по дружбе» с министром самому в каком-то смысле стать представителем этой власти. Сотрудничество с П.Н. Игнатъевым в некоторой мере способствовало также карьерному росту Э.Д. Гримма.

Умеренность политических воззрений ректора влияла и на перегруппировку сил в академическом сообществе университета. С одной стороны, это лишало ректора поддержки некоторых прежних союзников среди «левых» профессоров, осложняло взаимоотношения с братом Д.Д. Гриммом. С другой стороны, с эволюцией политических взглядов Э.Д. Гримму было проще сблизиться с профессорами из противоположного политического лагеря, в частности, с С.Ф. Платоновым.

Стремление Э.Д. Гримма избегать конфликтов с властями под влиянием войны постепенно трансформировалось в склонность к сотрудничеству с ними, что привело его к участию в организации газеты «Русская Воля». Будучи соучредителем и сотрудником газеты, Э.Д. Гримм оказался втянутым в политическую борьбу, подвергшись жестким нападкам, поставившим под сомнение его репутацию, что могло стоить ему даже службы в университете. С другой стороны, газетная кампания,

направленная против А.Д. Протопопова, хотя и задела Э.Д. Гримма, в дальнейшем практически не повлияла на его положение в университете. В 1917 г. Э.Д. Гримм в третий раз был избран ректором.

Глава VI, «Академическое сообщество Петроградского университета в период Временного правительства и в первые месяцы власти большевиков» посвящена изучению взаимоотношений академического сообщества Петроградского университета с властями со сменой руководящих государством политических сил. Анализируется, как профессора отстаивали свои интересы, как реализовывали идеал автономии университета, какая роль в этом принадлежала ректору Э.Д. Гримму, как и почему оборвалась его карьера.

Последние годы существования академического сообщества Петроградского университета под руководством Э.Д. Гримма условно можно разделить на два этапа: до и после Октябрьского переворота. Несмотря на то, что кризисы Временного правительства каждый раз вели к смене руководства в МНП, пост министра с неуклонным постоянством занимали представители либерального лагеря. Пока кадетам удавалось удерживаться у власти, МНП поддерживало инициативы университетов, направленные на возрождение автономных начал. В этом смысле политика А.А. Мануйлова в отношении высшей школы продолжалась в начинаниях его преемников – С.Ф. Ольденбурга и С.С. Салазкина. В основу взаимоотношений власти и Петроградского университета было положено сотрудничество и готовность вести диалог. При А.А. Мануйлове право самоуправления университетских органов власти было, наконец, восстановлено, и это стало главным достижением профессоров. В дальнейшем автономные начала университета были подтверждены юридически с принятием соответствующих законодательных актов. Хотя профессора могли спокойно рассчитывать на то, что МНП будет проводить разного рода мероприятия с учетом их собственных интересов, заметно, что они спешили воспользоваться этим моментом, чтобы реализовать как можно больше своих замыслов и тем самым укрепить свои позиции. Желасмого профессора добивались, используя различные способы сотрудничества с властью: от подачи ходатайств и отправления депутатий в МНП до представительства в комиссии по реформе высшей школы, а также посредством участия во власти своих коллег. Несмотря на менявшиеся условия жизни, профессора как доминирующий слой академического сообщества предпочитали сохранить устоявшиеся принципы его организации неизменными.

Приход к власти большевиков перевернул жизнь академического сообщества Петроградского университета. Свой протест профессора выразили отказом от сотрудничества с властями, став на позиции вынужденной изоляции. С одной стороны, такая форма сопротивления властям была проявлением чувства самосохранения. С другой стороны, это было лишь прикрытием истинных намерений профессоров, многие из которых, в том числе и сам ректор Э.Д. Гримм, искали способов активного сопротивления большевикам, о чем свидетельствовали их поездки в районы сосредоточения антибольшевистских сил. Уже первая такая поездка Э.Д. Гримма на Дон в декабре 1917 года доказывает, что еще тогда он почти готов был отказаться от ректорства в пользу борьбы с большевиками. В этом смысле последующие несколько месяцев пребывания Э.Д. Гримма на посту ректора были лишь заминкой в осуществлении его планов.

Парадоксальным образом Петроградский университет стал по-настоящему автономным именно в первые месяцы после Октябрьского переворота, когда профессора целиком приняли на себя управление университетом. Но затянувшийся финансовый голод и предстоявшая принудительная демократизация университета побудили петроградских профессоров прервать самоизоляцию и вступить на путь переговоров с властями. Готовность ученых участвовать в реформаторских планах Наркомпроса можно рассматривать как желание противостоять этим планам или, по крайней мере, попытаться скорректировать их в приемлемом для университета ключе. Оставаясь ректором университета, Э.Д. Гримм продолжал делать все от него зависящее, чтобы защитить академическое сообщество от «советизации». Однако, поскольку участь университета была предрешена, что-то изменить Э.Д. Гримму уже было не под силу.

Поспешный отъезд Э.Д. Гримма в командировку, невозможность из-за угрозы ареста вернуться в Петроград, обыск в его ректорской квартире, последовавший за этим отказ от должности ректора создают впечатление, что отставка Гримма была неожиданным окончанием его административной карьеры, но это не совсем так. Э.Д. Гримм давно был морально готов к тому, что в ближайшее время ему придется сложить с себя ректорские обязанности, и последующие события лишь придали этому процессу ускорение. С уходом Э.Д. Гримма университету в новой реальности нужен был другой, новый лидер, еще готовый побороться за интересы академического сообщества.

В заключении сформулированы основные выводы диссертации. Продвижение ученого по карьерной лестнице с формальной точки зрения представляло собой поступательное прохождение через ряд установленных процедур, обязательных для всех членов академического сообщества: сдача магистерских экзаменов, публикация текста диссертации, ее рецензирование и утверждение к защите с последующим диспутом. Однако, действуя в рамках академического сообщества, ученый также должен был придерживаться существовавших в нем традиций, отражавших фактически сложившийся порядок его функционирования. Нарушение или обход традиций, как показал опыт Э.Д. Гримма, с одной стороны, могли благоприятно сказаться на карьерном росте ученого, а, с другой стороны, привести к столкновению интересов, взглядов, амбиций членов академического сообщества и вызвать конфликт. Иначе говоря, то, каким образом ученый преодолевал каждый этап на пути к получению профессорского звания, совершал переход от одного этапа к другому, зависели не только смена его статуса и, соответственно, положение в академическом сообществе, но и то, как будут складываться его взаимоотношения в академических кругах.

Жизнь академического сообщества была сопряжена с постоянно возникавшими конфликтами. Как показали наблюдения, обстоятельства, в которых ученый занимал вакантное место, могли вызвать противоречия в академической среде. Примером тому – разлад Э.Д. Гримма с Н.И. Кареевым, противостояние столичных ученых и профессоров-«назначенцев». Научные и личностные разногласия между членами академического сообщества зачастую могли осложняться расхождением в их политических взглядах. Наиболее характерны в этом смысле взаимоотношения Э.Д. Гримма с В.М. Грибовским, М.И. Ростовцевым, Д.Д. Гриммом.

Тезис о том, что «левые» и «правые» ученые практически всегда конфликтовали между собой, довольно широко распространен. В диссертации показано, что на практике это не всегда было так. На примере конфликтов «левых» и «правых» профессоров между собой и с министром Л.А. Кассо видно, что, несмотря на существовавшее в профессорской среде разделение по политическим взглядам, столичные ученые выступали заодно против профессоров по назначению именно потому, что те воспринимались ими как ставленники Л.А. Кассо. Негативное отношение к профессорам-«назначенцам» со стороны столичной профессуры оказывалось сильнее их собственных внутренних противоречий.

Для представителей профессорской корпорации Петербургского университета было характерно стремление сохранить привилегированное положение. Это особенно заметно, когда ученые сталкивались с угрозой ограничения собственных прав. Неравное положение профессоров и приват-доцентов осложняло их взаимоотношения, приводило к конфликтам. Примером тому – попытки приват-доцентов получить право участия на заседаниях факультетов и Совета университета, а также стремление отстоять право на чтение параллельных профессорским курсов в условиях противостояния с профессорами-«назначенцами».

Зачастую академическое сообщество было не готово идти на жертвы ради государственных и общественных нужд в ущерб интересам науки. С этих позиций можно рассматривать сюжет об исключении из почетных членов Петроградского университета австро-венгерских и немецких ученых, о так и не решенном вопросе организации медицинского факультета при Петроградском университете, споры о допуске женщин в университет на равных с мужчинами основаниях.

Политизация была характерной чертой академического сообщества, обострившись под воздействием революции 1905-1907 годов. Политизация проявилась не только в активном участии профессоров в общественно-политической жизни, но и в отступлении некоторых из них от идеалов чистой науки. Опыт преподавания Э.Д. Гримма показывает, как в лекции, казалось бы, далекие от злободневных тем, проникают элементы политической пропаганды. Публикуя в 1908 году монографию, посвященную французским революциям, Э.Д. Гримм претендовал на обладание экспертным знанием, которое позволяло ему обосновывать свои политические предпочтения.

Карьера Э.Д. Гримма не являлась типичной для большинства представителей академического сообщества. Научной деятельности он предпочел административную службу, хотя, написав и защитив диссертацию, он не бросил свои занятия античностью. Э.Д. Гримм вел по этому предмету практические занятия, в разное время преподавал историю средних веков и нового времени. Его позднейшие работы по проблемам новой истории Западной Европы стали последними в ряду научных публикаций дореволюционного периода.

Административную деятельность Э.Д. Гримм начал как проректор, некоторое время был деканом историко-филологического факультета, с 1911 по 1918 г. непрерывно занимал ректорский пост. Административная карьера Э.Д. Гримма несколько раз находилась на грани срыва, в 1910 и в 1916 годах. В первом случае

отставка от должности проректора была спровоцирована МНП, но Э.Д. Гримму удалось представить свой уход как увольнение по собственному желанию, и, таким образом, сохранить репутацию. Во втором случае карьера ректора оказалась под вопросом из-за участия в «протопоповской» газете «Русская Воля», что означало причисление его к так называемым «темным силам». Ситуация разрешилась сама собой после Февральской революции, когда ни о каких «темных силах» уже не могло быть и речи.

Двухлетний опыт проректорства Э.Д. Гримма показал всю глубину противоречий, сложившихся к этому времени между правительством, с одной стороны, профессорами, с другой, и студенчеством, с третьей. Реализация компромиссной программы, предложенной Э.Д. Гриммом, оказалась невозможной.

Время вступления Э.Д. Гримма в должность ректора совпало с кризисным периодом в жизни академического сообщества, когда университет мог остаться вовсе без руководителя. В это время избранный ректором Э.Д. Гримм попытался взять ситуацию под контроль. Он заявил о себе как об успешном администраторе, сумев уберечь академическое сообщество от развала в разгар конфликта профессоров с министром Л.А. Кассо, что позволило ему завоевать авторитет коллег и стать лидером академического сообщества. Авторитет Э.Д. Гримма подтверждался двукратным переизбранием его на пост ректора, а также поддержкой, оказанной ему в сложных условиях после прихода к власти большевиков. С началом ректорства наметилась эволюция политических взглядов Э.Д. Гримма в сторону консерватизма, которая заключалась в отказе от открытой конфронтации с властями и в поисках путей сотрудничества. Не стоит преувеличивать то, что с началом Первой мировой войны Э.Д. Гримму в силу этнического происхождения нужно было доказывать лояльность государству. Политические симпатии Э.Д. Гримма в это время прослеживаются благодаря его участию в организации издания газеты «Русская Воля» в 1916 году, что позволяет характеризовать его как сторонника праволиберальных взглядов.

Будучи ректором, Э.Д. Гримм старался проводить административную политику в интересах академического сообщества Петербургского университета. Главной заслугой Э.Д. Гримма можно считать сохранение целостности академического сообщества в период конфликта профессоров с министром Л.А. Кассо. При П.Н. Игнатьеве Э.Д. Гримм пытался добиться решения вопроса о защите прав профессоров от произвольных переводов и увольнений. Случалось, Э.Д. Гримм

использовал свое служебное положение для решения личных проблем, в частности, при министре П.Н. Игпатьеве.

В ректорство Э.Д. Гримма академическое сообщество продолжило вести борьбу за восстановление автономных начал университета. Череда министерских назначений профессоров в 1911-1913 гг. вызвала бурный протест со стороны ученых Петербургского университета, так как действия министра Л.А. Кассо рассматривались как грубое нарушение «Временных правил» 1905 года. С падением самодержавия и вступлением на министерский пост А.А. Мануйлова профессорам удалось вернуть не только права, данные им «Временными правилами», но и добиться их максимального расширения, однако администрация учреждения по-прежнему оставалась подотчетна министру народного просвещения.

В условиях поздней имперской России идея университетской автономии в принципе не могла быть реализована до конца, так как существовали непреодолимые противоречия между академическим сообществом и властями. Вопрос об университетской автономии решался в пользу академического сообщества только в условиях кардинальных политических изменений в стране, как было на фоне Первой русской революции (издание «Временных правил» 1905 года) и после свержения самодержавия в феврале 1917 года (деятельность А.А. Мануйлова и его преемников). Невозможность достижения независимости, постоянные вмешательства властей в жизнь университета сделали недостижимым идеал автономного университета.

В результате отказа профессоров от сотрудничества с большевиками, университет на некоторое время фактически оказался на положении самоуправления. Но это была лишь видимость автономии. Планы Наркомпроса провести демократизацию высшей школы предвещали коренную ломку университетской системы образования.

В **послесловии** описываются годы жизни и деятельность Э.Д. Гримма в эмиграции и по возвращении в Советскую Россию. Революция и Гражданская война прервали успешно развивавшуюся профессиональную карьеру Э.Д. Гримма. Примкнув сначала к Белому движению, он вскоре вынужден был эмигрировать, чтобы в итоге вновь вернуться в Россию. В эти годы Э.Д. Гримм не раз менял сферу своих занятий, которые во многом определялись складывавшимися обстоятельствами и его взглядами. Но как специалист он всегда был востребован. Сменовеховские убеждения, вера в возможность сотрудничества с большевиками предопределили возвращение Э.Д. Гримма в Россию. Несмотря на то, что Э.Д. Гримм готов был принять не только

советскую власть, но и, пусть даже не искренне, ее идеологию, тоталитарный режим его не пощадил. Если первая волна репрессий задела Э.Д. Гримма лишь отчасти, то Большой террор лишил его не только работы, но и свободы, а затем и самой жизни.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных результатов диссертационного исследования

- 1) Беляева О.М. Эрвин Давидович Гримм: судьба ученого на переломе эпох // Исторические записки / Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: Наука, 2009. Вып. 12 (130) / Под. ред. Б.В. Апаньича. С. 308-352. (2 п.л.)
- 2) Беляева О.М. Академическое сообщество в ректорство Э.Д. Гримма: конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 34. С. 215-235. (1,2 п.л.)
- 3) Беляева О.М. Э.Д. Гримм в Петербургском университете: путь к профессорскому званию // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 36. С. 198-220. (1,3 п.л.)

Другие публикации

- 1) Беляева О.М. Научная и административная деятельность Э.Д. Гримма в Петербургском (Петроградском) университете: обзор источников // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, Пятигорск: ПГЛУ, 2008. Вып. 10. С. 123-141. (1,1 п.л.)
- 2) Беляева О.М. Сергей Федорович Платонов и Эрвин Давидович Гримм: коллеги по Петербургскому университету // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб.: Издательство «Любавич», 2011. С. 88-93. (0,3 п.л.)

4

Подписано в печать 31.10.2011 Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 1,75
Тираж 100 экз. Заказ 510

Отпечатано в типографии «Адмирал»
199048, Санкт-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 59 корпус 1, оф. 40